

С Л О В О, О Д Н О Д Р У Г О Г О З В У Ч Н Е Е

Заметки о языке прозы лауреата Государственной премии СССР В. П. Астафьева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Молодая гвардия» закончила выпуск четырехтомного собрания сочинений Виктора Петровича Астафьева, в которое вошли лучшие произведения писателя, созданные им за тридцать лет работы в литературе. «Последний поклон» и «Царь-рыба», повести «Перевал», «Стародуб», «Звездапад», «Кража», «Пастух и пастушка», а также многочисленные рассказы, очерки, затеси, словом, все то, что было уже опубликовано и прочно завоевало симпатии читателей.

Сказанное слово — уже поступок. Написанное — тем более. Его, как известно, и топором не вырубешь. Слово — как мысль, как звук, отражает действительность, изменяет и преобразует ее. Правдивое, оно приближает нас к истине, живое — удаляет от нее. Доброе слово радует и утешает, злобное — страшит и унижает, удачное — восхищает, неловкое — вызывает досаду.

Максим Горький назвал язык «первозлементом литературы». Слово — строительный материал, кирпичик книги. Только кирпичики, из которых она строится, все разные — каждый со своей тайной, со своим норовом и претендует на вполне определенное место в строке и на странице.

Язык, если взять широко, — лексика, стиль, интонация, строй и характер связей внутри фразы — достаточно ясно обозначает позиции и мироощущение писателя, пусть он прямо и не говорит о себе, о своих взглядах, а рассказывает о жизни, делах, мыслях и чувствах своих героев.

Одна из важнейших причин того глубокого впечатления, какое производят книги Виктора Астафьева, — язык его прозы. То поэтически-литературный в самом лучшем значении этих слов, то образно-народный.

Его словоупотребления иной раз, что называется, заставляют покачать головой, но ведь это творчество, а значит, и риск. Оно всегда уходит, должно уходить за грань освоенного, где и ждут художника истинные находки. На страницах повестей и рассказов Виктора Астафьева нередко встретишь слова удивительной точности и красоты: темнотерь, хлебозарь, горбатина, теплодур, свежь, украдчиво, выговорень, первослед, запаяться, узозорить... Разве можно, например, заменить зримое — наволочь бесстрастным — туман?

Астафьев, когда пишет, ищет нужное слово, сам радуется бездонной выразительности, богатству русского языка, и эта радость выплескивается порой прямо на страницы: «Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют ее стрежнем, селезнем, зерлом, стрелкой, струной и еще как-то, не вспомню, но слова-то все какие — одно другого звучнее!»

«Кришастая лента реки» —

читаем мы в «Царь-рыбе». Кришастый — синоним выражения быть извилистым, но как всякий синоним, он обладает своим неповторимым смысловым оттенком, заставляющим употребить в контексте именно это нелитературное, просторечное слово.

Астафьев вместо литературно-нейтрального очень острый, острейший употребляет в авторской речи острый и выигрывает в изобразительности. Разговорно-просторечный суффикс позволяет писателю к информации о свойстве, о качестве предмета добавить и чисто человеческих эмоций, а в результате языковая свобода дает возможность написать великолепную жанровую картину.

«...Хлеб он не резал, отхватывал зубами прямо от булки, затем острижим ножом лапстак вместе с кожей кус сала, кидал его в рот, будто дополнительный заряд в казенник орудия, после чего мочалкой стирал горсть берегового лука, макал в хрупкую соль, затыкал им малиновый рот и принимался жевать, тоскливо куда-то глядя при этом и о чем-то протяжно думая...»

Дело, впрочем, не только в лексике. Автор «Последнего поклона» и «Царь-рыбы» владеет и складом народной речи, умело, без фальши рисует характер мышления своего героя — простого человека, доброго на деле, искреннего — в слове. Поразительно тонко, с величайшим чувством меры передал Астафьев в рассказе «Индия» строй мыслей и речи старого солдата, вояки рядов, обнаружившего в снегу тяжело раненную связистку.

«...То ли от голоса солдат, от холода ли, девушка на минуту пришла в сознание и сразу схватила расстегнутые брюки галифе и стала слабо отбиваться, отталкивать мужицкую руку от нагого и живого еще девичьего тела. Солдат сломал слабое сопротивление девушки, не прекращая при этом перевязки и толкая убедительно, что он, слава те господи, уж двух дочерей определил, замуж выдал за хороших людей в городе Барнауле, а потому не может смотреть он на девичье тело иначе как отец и никаких крайних умыслов и скоромностей иметь по отношению к ней тоже не может, тем более при таком бедственном и кровавом случае».

В критике не раз отмечалось мастерство Виктора Астафьева в создании портретов второстепенных героев. Это справедливо.

«...Женщина суровая, бывшая партизанка, раненная в лицо и оттого незамужняя. Она всегда говорит, что думает...»

Несколько строчек и сказано автор «Перевала» о своей героине, а перед нами, как на ладони — сильный, интересный, незаурядный человек с нелегкой судьбой и с неудав-

шейся личной жизнью. Тем не менее тетку Парасковью жалеть не приходится — она сама кого хочешь пожалеет, всегда поможет и выручит, а за внешней суровостью — доброты, главное мерило человечности всех астафьевских героев.

Мы все — писатель, его герой, читатели — частичка народа; с детства купаемся в народной речевой стихии, учимся говорить, изъяснять мысли и чувства у народа-языкостворца. Виктор Астафьев как художник слова, по-видимому уяснил для себя две такие вот истины. Одна: черпай, не стесняйся, полными пригоршнями сокровища в кладовых общенационального языка. Другая: быть скрупулом, быть точным в обозначении, в описании человеческих чувств. Никакого словоблудия, ничего лишнего.

В повести «Кража» детдомовец Толя Мазов в поисках душевного успокоения, ответов на вечные «проклятые» вопросы забредает нечаянно на кладбище и на стесе свежего креста читает эпитафию, исполненную удивительного величия и простоты. «Сли спокойны, друг Гаврила, теперь торопиться тебе больше некуда. Вербованные плотники Кириал и Кузьма, да еще бригадир Захар Захарыч Кокорулин».

И все. Ни убавить, ни прибавить. Такое не сочинишь. Неведомые нам плотники и не думали, что в эту горькую минуту были они великими поэтами.

В своих рассказах, повестях, а также в затесах, многие из которых можно признать стихотворениями в прозе, Виктор Астафьев — традиционно русский писатель, но вместе с тем он и разрушитель давно сложившихся жанров. «Последний поклон» и «Царь-рыба» — две главные его книги; любую из них не назовешь ни повестью, ни романом, ни тем более сборником рассказов — слишком своеобразны жанровые признаки этих произведений.

По сути это эпос, пронизанный сильнейшим субъективно-лирическим началом. Астафьев как автор тесно слит со своими героями. Он часто ведет повествование от первого лица, и хотя писателя («не упрячешь» в личность рассказчика, отделить их друг от друга вряд ли возможно. Отсюда необъяснимая одной лишь автобиографичностью — это было бы пошлостью, чересчур просто — высокая лиричность астафьевской прозы, взволнованность, сплетающаяся в одно целое и автора как писателя и человека, и лирического героя-рассказчика, и многих действующих лиц. В эту «коллективную личность» незаметно для себя втягивается и читатель, особенно тот, чья родина — Сибирь, а детство и юность прошли на берегах Енисея.

В. ТИХОМИРОВ.